

УДК 82-92 : 130.2

**ИСТОРИОСОФСКИЙ КОМПОНЕНТ ПУБЛИЦИСТИКИ:
В ПОИСКЕ УТРАЧЕННОГО ИМПЕРАТИВА**

Б. Я. Мисонжников

Санкт-Петербургский государственный университет

кафедра периодической печати

Публицистика рассматривается как важнейший фактор духовного развития общества. Речь идет об её генезисе, условиях становления и роли в жизни людей. Публицистика в лучших своих проявлениях обрела идентичность в системе христианских ценностей, для ее нормального развития нужна соответствующая историософская составляющая, выражающаяся в истолковании событий прошлого через призму современности, поднимающая содержание публицистического материала до уровня дискурса как особо актуализированного текста. Предпринимается попытка выявления причин кризиса, в который оказалась ввергнута современная русская публицистика.

Ключевые слова: *публицистика, историософия, духовность, дискурс, текст, мировидение.*

Публицистика, рассматриваемая как сфера субъектно-документальной и реалистической литературы с отчётливо выраженной дискурсной составляющей, зародилась и активно развивалась с древних времён. Впрочем, поначалу это была скорее прапублицистика. Тем не менее для ее генезиса уже должны были существовать определенные духовные предпосылки, точнее – историософские. Применительно к тому периоду в полном смысле слова об историософии, конечно, говорить не представляется возможным, поскольку она ещё не сформировалась в качестве завершённой социально-философской концепции. Однако многие факторы всё более активного присутствия субъекта в онтологическом пространстве, его способность отражать происходящее в сложных экзистенциалах, истолковывать события в активно воздействующих символах и смыслообразах свидетельствуют о глубинной трансформации в духовной сфере, самоидентификации субъекта как исторической личности. Русская публицистика зарождалась и развивалась в рамках христианской культуры. С утверждением христианских ценностей уже в XI – XII веках формируется духовно ориентированная литература с мощным энергийным полем, в том числе отмеченная индивидуальным мнением субъекта и его самостоятельным взглядом на мир. Особенности ее прагма-эмотивного воздействия, уровень охвата аудитории, глубина проникновения в сознание отдельного читателя, система нравственных маркёров, обуславливающая формирование аксиосферы социума, – всё это свидетельствует о появлении необходимых оснований, дающих возможность усматривать в литературе того периода определенные черты публицистического творчества. Так, «в публицистическом ракурсе представляет особый интерес известнейшее

сочинение Кирилла Туровского под условным названием „Притча о человеческой душе и теле“ (или „Притча о слепце и хромце“). Несмотря на многочисленные библейские аллюзии и видимый поучительный проповеднический тон, данное произведение полемично и являет собой живой отклик заинтересованного современника на события, серьезно влиявшие на течение социально-религиозной жизни Руси» [7].

Следующий этап обретения русской публицистикой историософского основания можно связать с мистическим опытом исихазма как аспекта духовной практики в свете православного аскетического мирозерцания и смыслопорождения: «перед нами по преимуществу новинки созерцательно-аскетической литературы исихастов или сочинения, ими рекомендованные и им близкие. Здесь произведения Григория Синаита и Григория Паламы, а также их жития, произведения патриарха Каллиста и Евфимия Тырновского, Филофея Синаита, Исаака Сирина, Иоанна Лествичника („Лествица“), Максима Исповедника, Василия Великого, Илариона Великого, Аввы Дорофея, инока Филиппа („Диоптра“), Дионисия Ареопажита, Симеона Нового Богослова и др. <...> „Безмолвие“ исихастов было связано с обостренным чувством слова, с сознанием особой таинственной силы слова и необходимости точного выражения в слове сущности явления, с учением о творческой способности слова» [12, с. 40–41]. Это было по сути священнобезмолвие, т. е. безмолвие, переходящее в речение сакральное, обращенное к внутреннему миру человека. Исихазм придал слову, пребывающему в историософском пространстве, не просто ответ мистицизма, но значение великой тайны, поднимающей слово до высот Логоса. Именно «слово выступает в данном случае как меон молчания, иная форма его бытия», и мы имеем благодатную возможность наблюдать, как знаки складываются в единый текст – «мир как текст умолкнувшего Бога, как „совершенный первообраз книги“, по выражению Филона Александрийского, это также пример меонического молчания» [19, с. 311].

Мы можем – само собой разумеется, не без доли некоторой условности – выделить определенный период, когда публицистика обретает собственно историософский смысл: в XVI веке объектом особого внимания сочинителей, прежде всего монашествующих, становятся явления русской социально-политической жизни, налицо элементы историко-философской рефлексии субъекта с выходом на уровень соответствующей самоидентификации, стремлением на глубинном онтологическом уровне соотносить свою личность с происходящим в стране и мире. Широко распространяются новые по своей типологии издания — в свет выходят отдельные сочинения, посвящённые острым вопросам именно политической жизни. Эти памятники можно определить как произведения переходного периода от прапублицистики к публицистике в полном смысле этого слова. Они, что важно подчеркнуть, привязаны, помимо прочего, к совершенно конкретному месту, к почве, поскольку имманентное им всё более усиливающееся историософское начало топологично по своей природе, как топологична и сама рефлексия в широком значении этого понятия: «рефлексия, таким образом, производна не только от времени, но и места» [18, с. 149].

Одним из наиболее активных авторов того времени становится игумен Волоколамского монастыря Иосиф Санин (Иосиф Волоцкий), а ценным памятником русской публицистики – его «Книга на новгородских еретиков» (позже получившая наименование «Просветитель»). Данное сочинение рассматривается как «одно из самых замечательных явлений в нашей духовной литературе древнейшего периода», «Иосиф является опытным богословом, который всякую мысль свою умеет подтвердить текстами, заимствованными из Св. Писания и Отцев Церкви, умеет и доказать её, и пояснить разнообразными сравнениями и доводами» [17, с. 99]. К слову сказать, это сочинение сыграло важнейшую роль в истории русской общественной мысли: оно было направлено против новгородско-московской ереси и послужило своеобразным обвинительным актом при осуждении еретиков в 1504 г.

В более поздний период многие публицистические произведения русских авторов обрели черты отчетливо выраженной творческой интенциональности и достигли уровня высокого гражданского звучания. В этих произведениях особенно ярко стал проявляться историсофский компонент. В ряду авторов – Авраамий Палицын с его нравственно-аскетическими онтологическими императивами, достигающими метаисторического значения в описании тех страшных испытаний родной страны, свидетелем которых он становится; протопоп Аввакум, автор исповедальной, на редкость непосредственной, совестливой и просветлённой прозы, восходящей до глубокого нравственного обобщения, являющейся, по сути, духовно-медиумической жертвенной деятельностью, подвижническим служением идее и вере; Феофан Прокопович с его этической концепцией, в основе которой «лежит понятие о человеке как микрокосмосе» [16, с. 131]. Эти мыслители и зиждители праведного Слова, олицетворяющие лучшие черты русских духовных пастырей, сумели с позиции православной исихатской практики придать новый импульс истолкованию Логоса, возвысили публицистическое творчество. Фактически состоялся переход – пусть только в сфере литературной публицистики – от профанного и прагматически суженного взгляда на мир к сакральному его пониманию и истолкованию социальных явлений с историсофских позиций. Переосмыслены и актуализированы были понятия соборности, софийности, соработничества на благо Отечества.

В последующие столетия происходит дальнейшая взаимная интеграция духовных и нравственных императивов, воссоздаётся их система на сложнейшем синергичном уровне, осуществляется развитие и совершенствование профессионального инструментария в сфере публицистического творчества. Формируется модель публицистики с явной гуманистической доминантой, о чем автору этой публикации уже довелось говорить достаточно подробно [14, с. 107–141]. Публицистика достигает блестящих высот, но порой через драматизм и огромное напряжение сил. Можно привести много имён выдающихся писателей: святитель Игнатий (в миру Д. А. Брянчанинов), П. Я. Чаадаев, Н. В. Гоголь, Ф. И. Тютчев и др. Во многом показательна судьба А. И. Герцена, творчество и гражданская позиция которого стали объектом нападков сил, закладывающих основы духовного

нигилизма и догматической прагматики – и вследствие этого совершенно губительных для живого творчества – на исходе XIX и на заре XX веков.

Для Герцена понятия России, Родины, Отечества были исполнены высокого и сакрального смысла. Его послания пронизаны болью и тревогой, достигают крайнего эмоционального напряжения и в то же время они рациональны, предельно конструктивны и конкретны. Он страстно восклицает о том, что, «задыхаясь под мучительным гнётом, русская мысль ищет себе хоть какого-нибудь исхода» [6, с. 17], и тут же показывает, в каком направлении надо двигаться: «Но, чтоб нас разбудить и вызвать к полезной деятельности, для того нужна – повторяем опять и готовы повторять беспрестанно – нужна гласность» [6, с. 145). Творчество Герцена, человека религиозного с малых лет, синергично и в глубинном смысле постоянно коррелирует с идеей искупительной жертвы Христа. Его «атеизм» осмыслен и прекрасно оценен С. Н. Булгаковым, который подчеркивает, что «к Евангелию Герцен всегда сохранял теплое чувство» и что он дорог нам как «один из провозвестников грядущего религиозного возрождения» [2, с. 97, 130]. Этот герценовский «атеизм», замешанный на неприятии официальной религии и личной драме, чем-то напоминает «атеизм» С. А. Есенина. Вот мнение одного из лучших специалистов по творчеству поэта профессора О. Е. Вороновой: «Неоднозначное отношение к религии, выражавшееся в резких переходах от молитвенных настроений к богохульному озорству, начало формироваться у Есенина очень рано» [4, с. 63]. И далее: «Отечественные писатели и мыслители давно уже подметили, что русская святость создается не безупречной незапятнанностью жизни, а стремлением к покаянию и очищению» [4, с. 445].

Мировидение Герцена историософично, в частности, и потому, что зиждется на глубине метаисторического проникновения в суть событий, стремлении постичь безграничные возможности Слова, отмечено склонностью к исихатской практической методологии. Отсюда – безупречность миропонимания, ощущение священной художественности Текста. Нельзя не согласиться с высказыванием о том, что «Герцен – один из ведущих инициаторов романтической историософии, он приучил русских публицистов мыслить исторический процесс в терминах художественного творчества» [9, с. 28]. В связи с этим становится понятной критика Герцена со стороны апологетов действительно атеистической догматики, главную идеологему которой сформулировал, в частности, А. В. Луначарский: «...марксизм придаёт земной жизни (а земная жизнь определяется хозяйством, выработкой определенных благ, без которых человек существовать не может) чрезвычайно большое и для нашего времени центральное значение» [13, с. 341]. Таким образом, всё свелось к «хозяйству» и «выработке определенных благ». Разумеется, тех, кто был привержен такой позиции, Герцен безмерно раздражал, что проявилось в статье «Был ли Герцен социалистом?» В. В. Воровского. По мнению последнего, что касается Герцена, то у него «из-под коры западничества все более и более выступает „ветхий Адам“ – русский человек с определенным уклоном к славянофильству» [5, с. 381], и Герцен «выступал не как социалист, не как революционер и даже не всегда как

последовательный демократ, а как прогрессивный дворянский интеллигент» [5, с. 385].

Это размежевание принципиально важно и трагично для русской публицистики. С победой марксистского догматизма начались постепенные и очень глубокие разрушительные процессы, которые затронули корневую систему национальной духовности. Изменения в сфере онтологической предикации едва ли обратимы: речь идёт о языке не просто как функции выражения, а как уникальной когниции в ментально-философском значении и синергийной сущности, как, согласно концепции В. А. Курдюмова, «средстве проявления подлинности мира» и покрывающей «всё многомерное пространство» «совокупности предикационных цепей» [11]. В связи с этим представляется важным и высказывание о том, что язык «изменился в сторону упрощения, он просто вульгаризирован. Не язык, а набор речевых формул, конторских штампов, удобных в целях формального общения, но разрушающих речемыслительный и художественно-образный потенциал языка» [10, с. 384]. Возврат к прежней речевой парадигме уже невозможен, возможна, тем не менее, реновация системы в онтологическом смысле, на основе обновлённого миростроительства. И возможно лишь новое построение синергийной конструкции, уже в новых условиях и на новом основании.

Однако и процесс претворения в жизнь марксистской парадигмы социализации протекал диалектически сложно и крайне противоречиво. Марксисты, нуждаясь в моральной опоре, всё-таки были обречены на создание суррогата «духовности», выродившейся в жёсткий идеологический конгломерат из вульгаризированных материалистических императивов и христианских возвышенных ценностей, трактуемых, впрочем, несправедливо, выхолощенных в силу их адаптации к изначально ущербным идеям. Таким образом, именно в процессах прошлого следует искать ответ на вопрос о проблемах современной медиальности и особенно на вопрос о том, что происходит в настоящее время с русской публицистикой как основой национальной духовности. А вопросы звучат действительно тревожные: «Так что же? Считать публицистику – теоретическим анахронизмом? Согласиться с мыслью об „эссеизации“ газетных и журнальных текстов? Отказаться от поисков современной публицистики и не учить созданию публицистических текстов будущих журналистов?» [22, с. 265]. Эта озабоченность небезосновательна, причём в истории русской культуры впервые вопрос о судьбе национальной публицистики ставится в столь категоричной форме и впервые возникли реальные причины для его постановки. Ответ требует не просто учёта прошлого опыта, но прежде всего опыта мировоззренческого и мировидческого.

Публицистика дореволюционного периода, как можно сделать вывод, была отмечена глубоким профетизмом, сакральным и трепетным отношением к бытию, что коррелировало с эсхатологическими императивами, достигало высот хилиазма в его главной идеологеме: «не поклонились зверю, ни образу его, и не приняли начертания на чело своё и на руку свою» [1, с. 13]. Мессианизм, который пронизывал всю публицистику, зижделся на ожидании справедливости, которая предусматривала воздаяние по заслугам, соответствие труда и вознаграждения, преступления и наказания.

Публицистика существовала как яркий и сильный историософский дискурс, главный план текстовой актуализации которого был обращён к духовной сфере. Это играло огромную социальную роль, поскольку, как точно подметил Н. А. Бердяев, «Россия – страна бесконечной свободы и духовных далей, страна странников, скитальцев и искателей, страна мятежная и жуткая в своей стихийности, в своём народном дионисизме, не желающем знать формы» [1, с. 14]. Сам же Н. А. Бердяев нашел решение проблемы в религиозно-идеалистической философии, и «следует отметить, что с развитием историософских взглядов Бердяева эсхатологический и апокалипсический элемент приобретал всё большее значение» [21, с. 132].

Октябрьская революция в рамках космологически ориентированного мирозерцания и косной марксистской прагматики артикулировала идеи, в основном имеющие отношение к гуманистическим ценностям, хотя и в мифологизированно-извращенной форме – достаточно вспомнить знаменитый «Моральный кодекс строителя коммунизма». Но и этого было достаточно, чтобы ростки истинной публицистики пробились к свету, да и многие советские авторы были людьми, которые еще помнили высокую историософскую культуру дореволюционного прошлого. В периоды ослабления режима и усиления гласности советская публицистика, обретая духовную опору (конечно же, в качестве паллиатива), достигала впечатляющих высот. В конце существования общественно-политической тоталитарной системы произошел быстрый и безжалостный слом обветшалой и неустойчивой мировоззренческой конструкции, на первый план – а именно это и культивировалось марксистами в течение многих десятилетий – вышли ценности материальные, сиюминутные, варварские в своей основе. По высказыванию А. А. Зиновьева, «идейные интересы заглохли или оттеснились куда-то на задворки человеческих душ» [8, с. 416]. Публицистика утратила истинную питательную среду и духовную подпочву. Итог оказался печальный: «Мы потеряли свободу духа» [15, с. 57]. Конец минувшего века был отмечен многосторонними катастрофическими трансформациями, и кризис, в основе своей социально-политический, нанес сокрушительный урон культурной сфере: «Мелко дробящиеся и быстро сменяющиеся субкультуры, множащиеся в числе секты и культы всё более экзотического содержания, настойчивые попытки удовлетворить нравственно-культурные запросы путём реанимации древних форм мистицизма – такова реальность конца XX века. <...> Таким образом, кризис XX века можно определить как бытие без культурной ориентации» [20, с. 107–108, 112]. Нужны значительные усилия и время, чтобы сформировалось духовно-национальное самосознание и авторов, и читателей, чтобы пришло чувство переживания происходящего в обществе как своей личной судьбы и сформировалась потребность в обретении исторической мудрости – историософского понимания происходящего в свете «радостной скорби», по Иоанну Лествичнику. А это ведь – «знак надежды, символ оптимизма, источник утешения перед лицом реальности, которая противостоит нам и порой кажется необоримой» [3, с. 361].

Список литературы

1. Бердяев, Н. А. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности [Текст] / Н. А. Бердяев. – М. : Изд-во МГУ. 1990. – 256 с.
2. Булгаков, С. Н. Сочинения [Текст] : в 2 т. / С. Н. Булгаков. – М. : Наука, 1993. – Т. 2 : Избранные статьи. – 752 с.
3. Варфоломей, патриарх. Приобщение к таинству : Православие в третьем тысячелетии [Текст] / Всевятейший Вселенский Патриарх Варфоломей. – М. : Эксмо, 2008. – 368 с.
4. Воронова, О. Е. Сергей Есенин и русская духовная культура [Текст] / О. Е. Воронова. – Рязань : Узорочье, 2002. – 520 с.
5. Воровский, В. В. Литературно-критические статьи [Текст] / В. В. Воровский. – М. : Художественная литература, 1956. – 480 с.
6. Голоса из России. Сборники А. И. Герцена и Н. П. Огарева [Текст] / А. И. Герцен, Н. П. Огарев. – Факсимильное изд. 1856 г. – Вып. 1. – Кн. 1–3. – М. : Наука, 1974. – 152 с.
7. Гончаров, А. И. Доминирующий код ветхого завета и феномен отечественной прапублицистики XI–XIII веков [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.10 / А. И. Гончаров; Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж, 2006. – Режим доступа: <http://www.aspirant.vsu.ru/ref.php?cand=855> – Дата обращения: 23.03.2013. – Загл. с экрана.
8. Зиновьев, А. А. Коммунизм как реальность. Кризис коммунизма [Текст] / А. А. Зиновьев. – М. : Центрполиграф, 1994. – 496 с.
9. Исупов, К. Г. Эстетические метаязыки русской культуры и историософии [Текст] / К. Г. Исупов // Язык и текст : Онтология и рефлексия : мат. к I Междунар. философско-культурологическ. чтениям (17–21 августа 1992 года, Санкт-Петербург). – Silentium: спец. вып. ; гл. ред. Л. Морева. – СПб. : Эйдос, 1992. – С. 27–41.
10. Колесов, В. В. Исторические антиномии в основе русской ментальности [Текст] / В. В. Колесов // От Древней Руси до современной России : сб. науч. ст. в честь 60-летия Александра Якимовича Дегтярёва ; отв. ред. А. О. Бороноев, В. М. Воробьёв, И. Я. Фроянов. – СПб. : ООО «Русская коллекция СПб.», 2006. – С. 372–392.
11. Курдюмов, В. А. Экзистенциальные аспекты предикационных преобразований [Электронный ресурс] / В. А. Курдюмов. – Режим доступа: <http://philosophy.ru/library/kurdumov/glava4.html> – Дата обращения: 29.03.2013. – Загл. с экрана.
12. Лихачев, Д. С. Исследования по древнерусской литературе [Текст] / Д. С. Лихачев. – Л. : Наука, 1986. – 408 с.
13. Луначарский, А. В. Религия и просвещение [Текст] / А. В. Луначарский. – М. : Советская Россия, 1985. – 544 с.
14. Мисонжников, Б. Я. Публицистический дискурс: генезис, идентификация, типология [Текст] / Б. Я. Мисонжников // Теория журналистики: статус научных и учебных дисциплин ; ред.-сост. М. Н. Ким. – СПб. : С.-Петербург. гос. ун-т., 2010. – С. 107–141.
15. Моисеев, Н. Зачем дорога, если она не ведет к храму [Текст] / Н. Моисеев // Иного не дано ; под общ. ред. Ю. Н. Афанасьева. – М. : Прогресс, 1988. – С. 51–76.
16. Ничик, В. М. Феофан Прокопович [Текст] / В. М. Ничик. – М. : Мысль, 1977. – 192 с.
17. Полевой, П. История русской литературы в очерках и биографиях [Текст] / П. Полевой. – СПб., 1878. – 632 с.

18. Савчук, В. В. Топологическая рефлексия [Текст] / В. В. Савчук. – СПб. : Канон + РООИ «Реабилитация», 2012. – 416 с.
19. Серкова, В. Классический исихазм и парадоксы молчания [Текст] / В. Серкова // *Silentium*. Философско-художественный альманах ; гл. ред. Л. Морева. – СПб. : Философско-культурологич. исследовательск. центр «Эйдос», 1996. – С. 308–314.
20. Солонин, Ю. Н. Кризис культуры и жизненная перспектива человека XX века [Текст] / Ю. Н. Солонин // *Гуманитарные науки : из опыта теоретической интерпретации* : сб. науч. тр. ; отв. ред. Б. Я. Мисонжников. – СПб. : АО «Фантомы», 1993. – С. 105–112.
21. Шестаков, В. П. Эсхатология и утопия : Очерки русской философии и культуры [Текст] / В. П. Шестаков. – М. : ВЛАДОС, 1995. – 208 с.
22. Шмелева, Т. В. Публицистика с позиций медиалингвистики [Текст] / Т. В. Шмелева // *Публицистика в кризисный период: проблемы истории, теории, языка* : мат. науч.-практ. конф. (Великий Новгород, 7–8 окт. 2010 года) ; сост. А. Л. Семенова. – В. Новгород : НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2010. – С. 262–273.

HISTORIOSOPHICAL COMPONENT OF JOURNALISM: SEARCHING THE LOST IMPERATIVES

B. Y. Misonzhnikov

Sankt-Petersburg State University
The department of print media

Journalism is regarded as the most important factor of society's spiritual development. It is about its genesis, the conditions of formation and role in the lives of people. At its best manifestations journalism regained identity in the system of Christian values, for its normal development it requires the corresponding historiosofic component, reflected in the interpretation of the events of the past through the prism of modernity, lifting the journalistic content of the material to the level of discourse, as especially the updated text. The author attempts to identify the causes of the crisis, which was plunged into modern Russian journalism.

Keywords: *journalism, historical philosophy, spirituality, discourse, text, world view.*

Об авторах:

МИСОНЖНИКОВ Борис Яковлевич — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой периодической печати Санкт-Петербургского государственного университета (199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7-9), e-mail: boris.misonzhnikov@gmail.com